

В.Ястребов

В ЗАПОРОЖСКОМ ЗАХОЛУСТЬЕ.

Известно, что Новороссия не может похвалиться ни оригинальностью народного быта, ни давностью и крепостью исторических воспоминаний, и покойный В. И. Григорович не без основания называл население ее невегласи. И действительно, здесь часто затрудняешься сказать, на каком наречии говорит народ, откуда взялись обыватели того или другого угла и к какой национальной группе принадлежат. Между тем именно это обстоятельство, т. е. отсутствие этнографической целостности и безпримерная пестрота населения служит благодарнейшей почвой для распространения трактирно-солдатской культуры, которая здесь глубже пускает корни и дает пышнее цвет, чем где-либо на юге России, глуша последние, жалкие остатки народной старины. Поэтому новороссийскому историку и этнографу приходится дорожить и крупинками народности и старины и торопиться собиранием их, в надежде, что и лепта вдовицы, спасенная от гибели, зачтется наукою.

В семи верстах от города Бобринца елисаветградского уезда, есть большое село Алексеевка; оно расположено по обеим сторонам р. Сугаклеи, правого притока Ингула. Речка эта в настоящее время летом пересыхает но, по словам старожил, еще лет 25 назад была довольно многоводна и снабжала весь Бобринец рыбою, которой тогда ловилось втрое больше. По берегам Сугаклеи росли огромные камыши, о которых теперь и помину нет, а по балкам, особенно по шляховой, чагари, состоявшие преимущественно из черноклена, также груши, терна, ракиты, жостера и ордына, иначе проскурины (последние два и теперь есть кое-где). Водились в Алексеевке и пасеки и здесь считалось до 400 пней, но вследствие мора, постигшего пчел в 1863 году, пчеловодство прекратилось совершенно. Говорят, водились здесь дикие козы и лошади, а из гадов т. н. жовтоброухи, большие змеи, ютившиеся в скалах на Вертиевой балке.

Местная почва—чернозем, подпочва—красная глина, а ниже ее залегает в некоторых местах белая глина, на Вертиевой балке с желтоватым оттенком, а на «ливаде», т. е. в фруктовом саду, принадлежащем экономии, синеватая и розоватая. В соседнем имении купца Кузнецова добывается фарфоровая глина хорошего качества, идущая на фабрики собственника земли, в Москву и в Ригу. Берега Сугаклеи представляют обнажения гранита, господствующей местной породы; попадаетея в окрестностях и песчаник, рыхлый, пригодный только для постройки оград.

По исповедным росписям считается в Алексеевке 689 душ мужеского и 612 душ женского пола. В селе церковь во имя Алексея человека Божия, сооруженная в 1811 года в честь патрона тогдашнего владельца имения, Алексея Кирьякова, а в 1824 году поновленная.

По обстоятельствам частного характера мне довелось побывать в Алексеевке несколько раз и убедиться, что село это имеет не малый интерес в этнографическом и историческом отношениях. Население Алексеевки бросается в глаза красотой типа: высоким ростом, овальными лицами с большими карими глазами и прямым, рельефным носом, отличается высоким пониманием собственного достоинства, что выражается, между прочим, обычным разговорным обращением «козаче»; в здешнем костюме; особенно женском, довольно упорно держится народная старина, точно также и в правах, и в обычаях заметно сохранение многих древних обрядов: на свадьбах пекутся коровай, лежень и дивень и готовится гильце, приезде молодых во двор зажигается костер, отцу молодой дарят борону с бугаем из хлеба, справляют веснянки, помнят Купайла Ивана и дивку Маринку и пр.

Прислушиваясь к разговорам алексеевских жителей, я узнал, что село разделяется на три части: 1) поселение на левом берегу р. Сугаклеи или «Снежково», заселенное крепостными, выведенными (в 1838 — 1840 гг., как видно из документов) из села того же имени, находящегося в валковском уезде харьковской губернии, 2) северная часть поселения на правом берегу или «хутор», заселенный бродягами в разное время, не определяемое в точности и 3) южная часть правобережного поселения, называемая «запорожским кутом»: это и есть коренная, давняя часть Алексеевки, обратившая на себя мое преимущественное внимание.

Из разспросов старожил я узнал, что по народному преданию на месте нынешней Алексеевки и в окрестностях ее жило прежде семь запорожских семейств. В Вертиевой балке и теперь цел колодезь, называемый запорожским; в прежнее время, до «воли», местные парубки, с атаманом во главе, на Духов день приглашали духовенство служить здесь молебен и потом угощали духовных лиц; теперь, когда

участок с этим колодцем отошел к госпоже Задонской, обычай этот прекратился, но алексеевские хлопцы и ныне выбирают атамана на рождественские святки и под его предводительством ходят по домам со звездой звоня в колокольчик, собранные же деньги обращаются ими на сооружение новых хоругвей и риз и на покупку четырех больших свечей, которые зажигаются по большим праздникам при чтении евангелия.

Некоторые крестьянские семьи Алексеевки ведут свое происхождение от запорожцев; потомками последних считаются: Гуралья, Великий, Гавриш, Бондаренко, Тороп, Будяк, Сова, Швидкий, Колонтаевский, Лабза (он же Вербовый), Шадуря и Брунька.

От одного из них, именно от Торопа, мне удалось услышать небольшой рассказ, который может представить небольшую иллюстрацию эпохи гайдамачины. Тороп этот знал некоего Козьму Яременка, который передавал о себе следующее. Яременко в молодости пришел из киевщины на Сугаклею, где теперь Алексеевка, и поступил к запорожцам, жившим здесь «за хлопца». Хозяева его (видимо, безсемейные) часто отлучались из дому неизвестно куда, а Козьма оставался в зимовнике: запрут, уедут и есть ничего не оставят, только паляницы на полке, да высоко, достать не может; смотрит, смотрит на них Кузьма, поищет палочку, собьет одну палочкой и съест; возвратятся хозяева, спросят, что он ел, и когда тот простодушно сознается, чем и как питался, похвалят за догадливость. Попривыкнув к хлопцу, стали хозяева и его брать с собою. Приедут на Кодыму (приток Висуни), сложат съестные запасы, покроют их кожухом, оставят его, стеречь, а сами поедут дальше. Скучно Кузьме, ляжет он и лежит, ждет возвращения хозяев. Проходит сколько там времени, подъезжает к нему отряд чужих запорожцев.

— Кто ты такой?

— Такой-то и такой.

— Звидкиля?

— Звидтиля.

— Кто твои хазяи?

— Таки запорожци, як и вы.

— Куды поихали?

— Не знаю.

И лягут спать. Выспавшись, встают, крестя и почесываясь и неохотно седлают коней. Один кивает на Кузьму и замечает: «треба б ёму дати щось на памятування!» а другой возражает: «э, вин ще молодой!» Садятся на коней и уезжают. Возвращаются хозяева хлопца.

— Що ты тут робив?—спрашивают.

— Ничого—отвечает тот—лиг та й лежав.

— Не було никого?

— Не було никого. Були якись запорожци, от так, як и вы.

— Що ж вони робили?

— Ничого. Розсиддали коней, лягли спать, потим встали, посиддали коней и поихали дали.

— Не казали ничего?

— Ничого не казали. Тильки один казав: «треба б ёму дати на памятування!» а другой одвитив: «та вин ще молодой».

Смеются запорожцы, спрашивают:

— А ты ж знаешь, що воно значить: дати на памятування? — Ни, не знаю, отвечает простодушный хлопец.

— Дурный ты, говорят они: ты б им наварив каши, то вони б посиддали та подякували б тебе!

Другие разы Яременко был уже умнее и поступал так, как учили его хозяева-запорожцы.

Изложенным ограничивается рассказ деда Торопа. Но кроме указанных мною названий урочищ и фамилий алексеевских крестьян, связываемых с запорожцами, мне приходилось слышать в Алексеевке еще имя Железняка, только память о нем в Алексеевке как-то изгладилась почти безследно. За то мне удалось найти некоторые данные о Железняхках в документах по имению, просмотренных мною, благодаря любезности управляющего имением, Э.К.Бострема. Древнейший документ по имению снабжен датой «19 мая 1777г.» Это купчая, по которой «козак херсонской провинции ингульского уезда». Степан Евгеньев Железняк продавал надворному советнику Лариону Спиридонову Алексеюву свой зимовник при р. Камышеватой Сугаклеи, в смежности зимовника козака Трофима Толстика, «со всем в нем строением и землею, с лесы, с санными покосы и со всеми принадлежащими к тому угодыи, так, как я владел в бывшее запорожское правление, ныне владею и обводом самолично показать имею; а взял я

Степан с него Лариона за тот проданный мною зимовник с строением и проч. денег 50 рублей».

Кроме купчей, тем же 1777 годом помечены еще два документа: 1) «межа учиненная в херсонской провинции в ингульском уезде отмежеванной дачи надворного советника и губернаторского товарища Лариона Спиридонова Алексеева» и 2) План дачи Алексеева. «Межа» и «План» точнее купчей определяют границы дачи, отведенной Алексею «на 150 дворов, полагая на двор всех угодий удобной пахотной и сенокосной земли по 60 дес., всего 9,000 дес., да сверх того в означенной даче нашлось негодных к хлебопашеству и сенокосам каменистых по рекам и балкам мест, береговых крутых гор и больших дорог 1,200 дес.» Всего же дача Алексеева заключала 10,260 дес. На плане в границах дачи показано несколько зимовников, а имени: 1) на правом берегу Ингула, без означения—чей, 2) на правом берегу Сугаклеи, против Алексеевки — зимовник Толстиков, упомянутый и в купчей, 3) ниже по течению реки—бывший зимовник Железняков и 4) еще ниже—зимовник Москаленков. Сверх того, вне границ дачи—зимовник Павла Рагозы, на левом берегу Ингула и «дорога из зимовника Друченкова». И так, надворному советнику и губернаторскому товарищу отведены были земли, на которых раньше хозяйничали запорожцы. Из них Толстик, Москаленко и неизвестный по имени хозяин зимовника на Ингуле повидимому не заявили претензий на захват их собственности и—на долго или нет—остались жить на них, может

быть, сделавшись крепостными Алексеева. Степан же Железняк, верно, заупрямился и получил 50 р. отступного).

Мои расспросы у местных старожил о Степане Железняке не привели ни к какому положительному результату, но один дед, по имени Петр, по прозвищу Воловик, упомянул раз о Яреме Железняке, с падением Запорожья ушедшем на Кубань; однажды он приходил оттуда в свой зимовник, привез рыбы в подарок бабке Петра, которую знал еще девушкой, потому что она жила в соседней хате, и пробыв всего несколько дней, вынул из под пола бывшего своего бурдия боченок золота и вернулся на Кубань.

Вот все, что удалось мне узнать о Железняхках в самой Алексеевке. Но сохранилось воспоминание и о вожде Колиивцины, Максиме Железняке, так что, по всей вероятности, на Сугаклее был семейный зимовник Железняков. Память о Максиме Железняке уцелела в с. Коротяке, соседящем с Алексеевкой и составляющем родовую собственность Перепелициных, которые ведут происхождение от запорожца же Климента Перепелицы. Нынешний владелец Коротяка поместил интересную статью о своем наследственном бурдии в одной местной газете, и я позволю себе здесь воспользоваться его данными, почерпнутыми из рассказов деда, которого автор помнит. «По словам деда, говорит г. П—н, его соседями были: с одной стороны козак Бузько, с другой Островерхий (что видно и из документов), с третьей Морква, а с последней богатый есаул Железняк, Грицько. Имена Бузька и Морквы сохранились в названии урочищ Бузовая и Морквины. Зимовник Григория Железняка был на Сугаклее, где ныне село Алексеевское... Этот Грицько был отцом известного Максима Григорьевича Железняка, рз7ководившаго погромом в киевской Украине и разорившего совместно с Гонтой Умань в 1768 г. Деду моему, продолжает автор, было тогда 18 лет, два года он был уже реестровым козаком. Участвовал ли он в уманьской резне, не знаю,—об этом дед не говорил, но еще мальчиком видел Железняка в лебединском) монастыре, у игумена Мельхиседека Яворского, под надзором которого дед мой начал свое воспитание в качестве круглого сироты, восьми лет, потому что игумен был нам с родни. Впрочем, есть основания предполагать, что дед мой не был исключением... Игумен навещал ингульские зимовники, да нет сомнения,— и другие. Владельцы зимовников ездили в Лебедин, преимущественно на храмовой праздник, 23 апреля. Яворский агитировал противу Польши и унии, упорно вводимой базилианами в его время. Между жителями зимовников он заметил особенные способности, пылкое воображение, склонность к мечтательности в Максиме Железняке, давал советы отцу и вероятно указывал сыну гетманскую булаву по обоим берегам Днепра и как чародей вызывал из могилы великую тень Богдана. Возбужденное воображение Максима, хорошо грамотного пушкаря, поддавалось обаянию; и другие седоусые и черноусые козаки, обитатели зимовников, слушали соблазнительные речи красноречивого энтузиаста, безкорыстного монаха, говорившего близким их сердцу языком. Возможно ли сомнение, чтобы они не трактовали о современной политике, точнее—о стремлении стесненного уже запорожского козачества, и создавали разгром Украины с помощью гайдамаки, направляя хищнические его инстинкты... Помещик зимовника необходимо жертвовал деньги на оружие, на самоделковые «ратовища», на обмундирование голоты, войска Мелхиседека, летевшего на убийство, на грабеж католика»).

Заимствуем некоторые данные и о с. Коротяк из той-же статьи г. П—на. Вероятным основателем

зимовника Коротяк (названного по балке того-же имени) автор считает прадеда своего, отца Климентова, Степана, в 1767 г. пропавшего без вести; здесь и родился в 1750 г. Климент, ставший потом хозяином зимовника. По уничтожении Запорожья, обитатели зимовников стали расходиться, но Климент Перепелица крепко сидел в родовом бурдье. Прошло два года, и вот на Сугаклее явился, как мы видели, надворный советник и губернаторский товарищ Алексеев, а на Ингуле, на земле Перепелицы, некий Бланкенагель, с «билетом» на 3,000 дес. земли, выданным кременчугской экспедицией. «Бланкенагель, рассказывает г. П—н, возымел желание воспользоваться богатым, устроенным зимовником отцов моих, Коротякомъ... Что зимовник был большой и богатый, видно из того, замечает он, что дед мой в 1780 г., т. е. чрез пять лет после уничтожения Запорожья, построил на свое иждивение молитвенный дом, где крещен мой отец в 1786 г. попом Кириллом Брилевым, вывезенным дедом из Молдавии». Началось дело, подробности которого автору остались неизвестными, но по документам видно, что через два года Бланкенагелю выдали другой билет, в котором граница его участка указана по смежности земель Климента Перепелицы и Островерхого. Так Перепелица и оставался владельцем Коротяка. Вскоре потом он купил земли Бланкенагеля и Островерхого, не из первых уже, рук, и заселил их крестьянами, названными в указе об отставке его «подданными его, малороссийской нации»)

Имя Климента Перепелицы сохранилось в народной памяти. По соседству с Коротяком лежит с. Лозоватка, на балке того же имени, впадающей в Ингул. Здесь тоже, по народному преданию, жили запорожцы, и по имени одного из них, Лозяного, имевшего пасеку близ устья балки, будто бы и урочище получило название. Как-бы то ни было, в Лозоватке хранятся еще кое-какие рассказы о запорожской старине, а между прочим о Перепелице и соседе его, Моркве, упоминаемом также в документах. По одному сказанию, Климент Степанович получил прозвание Перепелицы за свою страсть к ловле перепелов, на которую частенько отправлялся с торбинкой через плечо; по другим, кличка эта дана кому-то из его дедов запорожцами, в насмешку за малый рост. Что-же касается до Климента Степановича, то он, точно также и супруга его, отличались, напротив, такой необычайной тучностью и тяжеловесностью, что в праздник, для отправления их в церковь, находившуюся тут же, насупротив их дома, надобилась пара волов. По преданию, он вырыл клад и тем разбогател.

О Моркве ходит рассказ несколько легендарный. Вблизи его зимовника был гай; однажды—говорит предание—отправился туда Морква со своими наймитами нарубить дров; только что принялся он за дело, вдруг напал на него огромный полоз; Морква сдвинул его, но не мог согнуть, потому что змей опирался на хвост. Кричит Морква наймитам, чтобы рубили хвост, но те, недовольные хозяином за крутое обращение с ними, оставили его в критическую минуту; долго боролся козак с страшным змеем и наконец задушил его, но и сам упал мертвый от напряжения сил. Зимовником его завладел тот же Климент Перепелица.

Таковы народные рассказы о Перепелице и о Моркве.

В. Ястребов.

<<< назад